

Глава 2. Главный герой

Завершив задуманное, Мо Сюнь окончательно лишился сил и рухнул на землю. Сознание поглотила бескрайняя тьма.

Ему снился сон.

В этом сне он, подобно бесплотному духу, парил рядом с незнакомцем, чью жизнь созерцал со стороны. Человека звали Мо Чжи. В прошлой жизни тот умер и переродился в этом мире.

Он слышал, как тот бормотал себе под нос:

«Черт, сдохнуть от переутомления за игрой... Да еще и попасть в книгу! Такое могло случиться только со мной. Видать, небеса решили, что мой путь еще не окончен... Но почему именно этот дурацкий сюжет про настоящего и фальшивого молодых господ? Я ведь в теле злодея, которому суждено получать пощечины от главного героя до самой смерти! Нет, так не пойдет, нужно срочно спасаться!»

В этот миг раздался холодный механический голос.

Мо Сюнь, наблюдавший за всем с холодным безразличием, не заметил никого третьего. Пока он пребывал в недоумении, Мо Чжи схватился за голову, едва не прыгая от восторга:

«Система? У меня есть чит?!»

Похоже, голос доносился прямо из его сознания.

[Динь! Поздравляем, носитель, вы привязаны к Системе похищения удачи]

[Пожалуйста, следуйте указаниям Системы и выполняйте задания. Похитив всю удачу главного героя, Мо Сюня, вы сможете пойти против небес и изменить судьбу, начав новую жизнь и став истинным Дитя удачи этого мира]

***

На траве у водопада Мо Сюнь медленно открыл глаза.

Он поднял руку, рассматривая ладонь сквозь пелену затуманенного взора. Взгляд его был пустым и потерянным.

«Главный герой...»

«Оказывается, я всего лишь персонаж романа — протагонист, чью удачу украли»

Внезапно в его голове раздался незнакомый голос:

— Хм, давненько я не слышал столь занятных историй. У нынешних людей богатая фантазия, раз они смогли закрутить такой винегрет.

Голос звучал нараспев: мелодично, но при этом крайне лениво и даже вызывающе.

Тот резко сел.

— Вы...

— Я?

— Вы кто такой?..

Голос, возникший из ниоткуда, отозвался с искренним удивлением:

— Да ладно? Столько времени прошло, а ты уже не узнаешь мой голос?

Разумеется, Мо Сюнь помнил.

Когда преследователи загнали его в тупик, он был вынужден укрыться в древнем тайном царстве. И это место полностью оправдывало свое название — не только он сам, но и идущие по его пятам враги понесли там тяжелые потери.

Юноша из последних сил пробился в самую глубь обители, и Мо Чжиянь следовал за ним до конца. Там, в центре пещеры, в окружении векового безмолвия, стоял вонзенный в камень алый меч. Его клинок, длинный и изящный, мерцал, словно застывший отблеск заката.

Увидев его, Мо Чжиянь вскрикнул, теряя самообладание:

— Меч Владыки Демонов! Он всё еще существует в этом мире... Значит, легенды не врали!

Затем он одарил Мо Сюня взглядом, полным ядовитой зависти. Его глаза, искаженные и полные злобы, впились в противника. Казалось, Мо Сюнь украл у него нечто бесценное.

В тот момент духовные силы юноши были исчерпаны, и он находился на грани забытья. Сквозь муть он видел, как Мо Чжиянь попытался схватить рукоять, но в то же мгновение его

отбросило мощной волной энергии.

Тело того и без того было слабым. Он рухнул, отхаркивая кровь так, будто вместе с ней собирался выплюнуть и духовный камень, заменявший ему сердце. Если бы верный дядя Я вовремя не влил ему в глотку эликсир, тот удар мог бы стать для него фатальным.

А после...

В полуобморочном состоянии Мо Сюнь ощутил некий зов. Не понимая, откуда в нем взялась эта отчаянная решимость, он бросился вперед и сжал рукоять. Сейчас, оглядываясь назад, он понимал, насколько безумным был тот поступок. Если меч отшвырнул Мо Чжияня, он мог с тем же успехом испепелить и его.

Но тогда раны Мо Сюня были смертельны, а разум — поглощен жаждой мести. Ему было всё равно. В худшем случае он бы погиб от божественной стали, что было куда лучше, чем сдохнуть от рук Мо Чжияня, лишь вызвав у него отвращение.

Юноша вспомнил: в тот миг, когда его пальцы сомкнулись на мече, зазвучал именно этот голос...

— О, кто-то пришел... Ну, есть у тебя какое-нибудь заветное желание?

Человек говорил так, будто только что проснулся после долгой спячки. Он зевнул прямо в сознании Мо Сюня и лишь затем с мягкой усмешкой задал свой вопрос.

— Мечь, — прохрипел тогда Мо Сюнь. — Я хочу отомстить.

Затем он вырвал клинок из камня и, собрав последние крохи жизни, сокрушил Сердце Лотоса в груди врага...

Миг — и он вернулся на двести лет назад.

— Я узнал вас. Вы...

Голос стал нарочито торжественным:

— На самом деле, я твой истинный отец. Много лет назад подлые завистники предали меня и запечатали в этом мече. Лишь когда твоя кровь коснулась стали, зов родных сердец позволил мне пробудиться. Сын мой, за годы моего заточения тебе пришлось несладко.

— ...Старший, — бесстрастно отозвался Мо Сюнь.

— Зови меня папой.

Юноша промолчал. Он призвал меч, появившийся в его духовном море, и резким движением... вогнал его в землю по самую рукоять.

— Неблагодарный сын! — обиженно буркнул голос. — Спасение жизни равносильно второму рождению. Я вытащил тебя с того света, неужто так трудно назвать меня отцом? В моем возрасте я мог бы требовать, чтобы ты величал меня предком, и это еще ты бы остался в выигрыше.

Голос внезапно стих.

На влажной траве у водопада хрупкий юноша выпрямился, опустил на колени перед мечом и отвесил три земных поклона.

— Благодарю старшего за спасение моей жизни.

— ...Хм.

Голос кашлянул.

— Ладно уж, вижу, что ты человек понимающий. Не буду придираться, поднимайся.

Он не встал — не из-за церемонии, а потому, что в этот период его жизни тело было слишком слабым. Юноша просто не мог подняться на ноги, а потому остался сидеть на земле, скрестив их по-турецки.

Он молча поднял оружие и положил его на колени, рассматривая.

Это был поистине прекрасный меч. Клинок, некогда алый, теперь стал угольно-черным. Лишь вдоль центра лезвия тянулась тонкая, как волосок, красная нить. На ней ровно располагались семь точек, и первая уже сияла мягким светом.

— Старший...

— Гу Суйчжи, — лениво отозвался голос. — Это мое имя.

— ...Старший Гу, — произнес Мо Сюнь. — Этот меч — ваш личный артефакт?

— Угу. Но теперь он твой.

Его тон был настолько будничным, что юноша невольно растерялся. Для заклинателя меча его оружие ценнее жизни. Многие практики тратят десятилетия в поисках достойного клинка, а став его владельцем, связывают с ним свою душу до самого конца. Для них меч — это спутник жизни.

Но в голосе этого Гу Суйчжи не было ни капли горечи от того, что его «духовная половинка» вот-вот достанется другому...

Не слишком ли он великодушен?

Словно обладая глазами, этот Гу Суйчжи, почивший неизвестно сколько веков назад, пояснил:

— Не делай такое лицо. Всё равно моей душе осталось едва ли сотня лет до полного рассеяния. Если я сам не уничтожу меч, он рано или поздно сменит хозяина. Я примирился с этим еще три тысячи четыреста шестьдесят два года, четыре месяца и тринадцать дней назад. Так что не стоит удивляться.

Три тысячи четыреста шестьдесят два года, четыре месяца и тринадцать дней...

Поистине, философское спокойствие. Впрочем, участь этого Гу Суйчжи была незавидной: либо смотреть, как твой меч переходит в чужие руки, либо уничтожить его собственной волей...

Юноша решил больше не терзаться этим вопросом.

— Старший, вы меня видите?

Гу Суйчжи:

— Подними меч.

Юноша поднял его.

— Теперь направь его острием к глазам.

Тот послушно исполнил.

Гу Суйчжи издал смешок:

— Вот теперь вижу.

Мо Сюнь:

— ...То есть вы взираете на мир моими глазами?

— Угу. Только этот меч сейчас жутко грязный, всё как в тумане, толком не разглядеть. Окуника его в воду, отмой хорошенько.

— ...

Мо Сюнь с сочувствием провел пальцами по клинку, словно утешая несчастного, которому не повезло встретить столь беспечного спутника. Меч мелко дрогнул и прильнул к его ладони.

В этом одушевленном движении было нечто, заставившее глаза юноши расшириться от изумления. Он вспомнил имя, которое выкрикивал Мо Чжиянь:

Меч Владыки Демонов.

Весьма прямолинейное название.

Мо Сюнь опустил взгляд и направился к воде.

— Старший, позвольте узнать, есть ли у этого меча имя?

— Раньше я звал его Красненьким. Теперь он почернел, стал каким-то невзрачным, такое имя ему больше не подходит. Выбирай сам.

Взгляд юноши стал еще более жалостливым. Определенно, оружие попало не в те руки.

Он задумался:

— Может быть, назовем его...

— Уголёк.

— Погребение.

Они произнесли это одновременно и тут же замолчали.

Гу Суйчжи медленно проговорил:

— Послушай, я сказал, что он грязный, но зачем же называть его так мрачно? Как ты будешь звать его ласково? «Моё Погребеньце»?

— Погребение, — твердо повторил Мо Сюнь. — В значении последнего пути.

— Ладно, дело твое. Твой меч — тебе и решать. Главное, относись к нему хорошо, цени его, оберегай... Пстой, ты зачем одежду снимаешь?

Рука юноши, расстегивавшая ворот, замерла.

— Я покрыт грязью, это мешает движениям. Раз уж здесь есть водопад, я решил омыться... У старшего есть какие-то возражения?

Он и сам не знал, где успел нахвататься этой грязи: пыль и земля смешались с засохшей кровью, покрывая ссадины коркой. Всё равно пришлось бы идти к реке за водой, так почему бы не очиститься прямо сейчас? Или у старшего Гу были иные наставления?

Голос Гу Суйчжи стал вкрадчивым:

— Видишь ли, сейчас я обитаю в твоём теле. Иными словами, когда ты моешься, ты моешь и моё тело тоже. Нет, я чувствую, что между нами возникает какая-то излишняя двусмысленность.

Юноша замер, так и не сняв рубаху.

— Впрочем, не бери в голову, — голос Гу Суйчжи снова стал жизнерадостным. — Продолжай, я просто посмотрю. Мы оба мужчины, чего тебе бояться? Поверь, за мной три тысячи лет гонялся один не в меру настойчивый любитель «отрезанных рукавов», но я остался натуралом. Я прямее стальной трубы, так что никаких «луньянов»...

Пока он болтал, Мо Сюнь подошел к краю заводи. Там, в стороне от бушующего потока, вода была кристально чистой. На дне, покрытом изумрудным мхом, покоились валуны, а на зеркальной поверхности отразилось лицо юноши.

Гу Суйчжи, затаив дыхание, приготовился оценить внешность Дитя Небесного Дао.

И тут же замолчал.

Когда он заговорил снова, его голос вновь стал глубоким и серьезным:

— Друг мой, у меня к тебе очень важный вопрос.

Мо Сюнь:

— Старший, я слушаю.

Гу Суйчжи:

— Тебе восемнадцать уже есть?

Юноша нахмурился. Он жил среди смертных, где совершеннолетие наступало в двадцать лет. Следуя этому правилу...

— До него еще два года. Почему вы спрашиваете?

— Беда. Грядет катастрофа, — сокрушенно произнес Гу Суйчжи. — Видишь тот меч?

Мо Сюнь:

— Вижу.

— На нем семь звезд, и одна уже загорелась, — в голосе собеседника слышалась вселенская скорбь. — Так вот, я сейчас прямо как этот меч: тоже искривился на одну седьмую.

Мо Сюнь:

— ...

— Я чувствую... — Гу Суйчжи тяжело вздохнул. — Похоже, я на тебя запал.

Юноше это показалось нелепым, и он на мгновение растерялся:

— Вы же только что говорили...

— То было только что, а это — сейчас. Тогда я был прямым, а теперь немного изогнулся.

Мо Сюнь промолчал:

— Прошу старшего не шутить так со мной.

— К тому же, — добавил он, — этот меч абсолютно прямой.

Гу Суйчжи вкрадчиво предложил:

— А ты возьми его. Сожми обеими руками: одну на рукоять, другую за острие, и с силой надави...

Мо Сюнь не шелохнулся. На такие уловки он не попадется.

Однако, пока он стоял неподвижно, меч сам собой взмыл в воздух. Слово незримая рука схватила его за концы и с силой потянула, заставляя сталь выгнуться дугой.

Гу Суйчжи:

— Смотри. Теперь он согнут.

<http://bllate.org/book/15862/1432132>